

**Венедикт Александрович Мякотин
Адам Мицкевич. Его жизнь и
литературная деятельность**
Серия «Жизнь замечательных людей»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175454*

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Несколько вступительных слов	5
Глава I. Детство и юность	6
Глава II. Бродящие силы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

В. Мякотин
Адам Мицкевич. Его жизнь и
литературная деятельность

*Биографический очерк В. Мякотина с портретом Мицкевича
гравированным в Лейпциге Геданом*

Несколько вступительных слов

Жизнь великих творцов литературы имеет обыкновенно сильное влияние на создаваемые ими произведения. Поэтому вполне понять и оценить эти последние возможно только после обстоятельного знакомства с событиями жизни писателя, с теми условиями, среди которых ему приходилось творить и действовать. В этом отношении не составляет исключения и великий польский поэт нашего столетия – Мицкевич. Влияние окружавшей его обстановки и выработавшегося в зависимости от него личного характера Мицкевича резкими чертами отразилось на всей его поэзии, сказываясь даже в наиболее объективных ее созданиях. Но помимо этого чисто художественного интереса биографии Мицкевича, в ней заключается *еще* и другая, не менее, пожалуй, интересная и поучительная сторона. Он не стоял вдали от современного ему общества, как более молодые его товарищи по песне – Словацкий и Красинский. Те фазы развития, через которые проходил Мицкевич, были общи многим его сверстникам и более молодым последователям, а влияние на последних его личности и таланта еще усиливало это сходство. Таким образом, следя за биографией поэта, мы можем наблюдать одновременно и индивидуальные черты его жизни, обусловившие собою развитие таланта, и черты общие с большей частью тогдашнего польского интеллигентного общества, выведшие этот талант на определенную дорогу.

Глава I. Детство и юность

Родители Мицкевича. – Доминиканская школа. – Необыкновенная память мальчика. – Первые стихотворные опыты. – Смерть отца. – Вступление армии Наполеона в Польшу и запавший в душу будущего поэта освободительный энтузиазм. – Виленский университет и его профессора. – «Шубравцы» и «филоматы»

Адам Бернард Мицкевич, как назван он был при крещении, происходил из мелкой, так называемой «засцянковой», шляхты. Семья эта принадлежала к старинному литовскому роду Мицкевичей-Рымвидов, но никогда не отличалась особенной знатностью, а имущественное положение ее в то время, с которого имеются о ней более подробные сведения, то есть со второй половины XVIII века, далеко не принадлежало к числу блестящих. Лишь благодаря счастливой случайности в жизни деда поэта, – женитьбе его на сравнительно зажиточной девушке, – он успел несколько подняться над уровнем своих родственников и дать своему сыну образование, которого сам не получил. Этот сын его, Николай Мицкевич, уже в последние годы независимости Речи Посполитой служил рэентом в Новогрудской Военно-Гражданской Порядковой комиссии, со времени же падения Польши сделался адвокатом. В Новогрудке он и женился, и здесь же родились у него два старших сына, Франциск и – 24 декабря 1798 года (по старому стилю) – Адам, будущий поэт. Через несколько месяцев после рождения Адама мать его вместе с ним и старшим его братом переехала в лежащую недалеко от Новогрудка деревеньку Заосье, которая досталась их семье совместно с некоторыми другими родственниками в наследство и управление которой взял на себя Николай Мицкевич. Жизнь в деревне продолжалась, однако, недолго: уже в 1801 году Николай Мицкевич перевез свою семью обратно в Новогрудок и, передав имение в аренду, занялся по-прежнему исключительно адвокатской практикой. Материальные средства семьи были в это время не особенно хороши, а последовавшее затем увеличение ее еще на три сына, из которых один, Александр, старший по возрасту после Адама, был впоследствии профессором римского права в Харьковском университете, заставило отца еще более усиленно трудиться для обеспечения средств безбедного существования.

В этой-то если не бедной, то, во всяком случае, весьма простой обстановке прожил Адам Мицкевич первые годы своего детства вплоть до поступления в училище в 1807 году. Равным образом и та умственная сфера, которая окружала его в родительском доме, мало выходила из обыкновенных рамок. Отец его был, правда, человек с некоторым, хотя и не особенно значительным, образованием, любил литературу и даже сам писал стихи, которых, однако, никогда не печатал; мать же ничем не выделялась из ряда обыкновенных женщин среднего шляхетского круга того времени. Отличительною чертою в ее характере, передавшейся и сыну, служила наивная и непосредственная, горячая вера, заставлявшая ее подчас видеть чудесное проявление Божьего могущества в довольно обыденных событиях. Так, случилось раз, что мамка выронила неосторожно Адама из окошка; мать обратилась с мольбою к Остробрамской Божьей Матери и последовавшее спасение ребенка приписала ее заступничеству. Кроме матери, влияние в этом направлении на ребенка мог оказывать еще и один из слуг в доме Мицкевичей, старик Власий, любивший повествовать о различных фантастических приключениях, бывавших будто бы с ним в жизни. Рассказы эти, в которых народные поверья переплетались с личным вымыслом, сильно действовали на воображение малолетнего Адама.

Вне родительской семьи тихая жизнь маленького городка не могла давать ему особенно сильных впечатлений, но, несомненно, на него должна была благотворно действовать живописная природа этой местности. Летом он часто бывал в близлежащих к Новогрудку дерев-

нях у знакомых отца, играл и бегал со своими сверстниками, и красоты природы, пока еще, конечно, бессознательно, западали ему в душу.

Эта простота окружающей обстановки, давая возможность беспрепятственного развития умственных сил, не способствовала, однако, слишком раннему созреванию их, и действительно, по тем сведениям, какие имеются о Мицкевиче за этот период его жизни (если не считать некоторых сообщений, явно дополненных фантазией их авторов), он представляется мальчиком умным, но далеко не обнаруживающим гениальных способностей, слабым здоровьем, тихим и скромным.

Влияние литературных занятий отца сказалось в том, что Адам уже в это время пытался сам писать стихи. Из этих первых опытов ничего не сохранилось, но, насколько можно судить по следующим, вряд ли они принадлежали к числу сколько-нибудь удачных; все, вероятно, сводилось пока только к подражанию отцу.

Мало новых черт сказалось в характере и жизни Адама и за время пребывания его в школе, в которую он поступил осенью 1807 года и из которой вышел, закончив курс, в 1815 году. Школа эта, как и большинство тогдашних школ в Литве, находилась в ведении монахов, а именно – ордена доминиканцев. Под влиянием тогдашнего ректора Виленского университета, Яна Снядецкого, образованного и энергичного человека, имевшего по своей должности верховный надзор над всеми средними учебными заведениями округа, содержимые монахами училища начинали понемногу изменять прежние рутинные приемы преподавания, внося в свою программу новые требования и приглашая более знающих и опытных учителей из среды людей светских.

Вильно. Университетский двор, в глубине костел Св. Яна. Литография Филиппа Бенуа по рисунку Байо.

В то время, однако, когда Адам Мицкевич поступал в училище, эта реформа только начиналась и ни в составе учителей, ни в предметах, ни в способе преподавания не произошло еще особенно ощутимых изменений. Среди тех лиц, у которых учился Мицкевич, не было ни одного, окончившего университет. Само училище носило название уездного и состояло из шести классов, в которых, сверх предписанных программой предметов – латинско-польской грамматики, арифметики, географии, физики, геометрии, латинского языка, Закона Божия, русского, французского и немецкого языков и рисования, – преподавались еще история, право и логика. Ученье будущего поэта шло не без препятствий.

Природные способности, и в особенности необыкновенная память, дававшая мальчику возможность запомнить раз прослушанное, не говоря уже о прочитанном, сильно облегчали ему усвоение новых сведений, но, с другой стороны, слабое здоровье да, вероятно, и непривычка к школьной дисциплине и усидчивому труду явились помехами в беспрепятственном прохождении курса и произвели то, что в двух из шести классов Мицкевич просидел по два года. В общем ученье шло у него, однако, хорошо и он считался одним из лучших учеников, хотя степени первого достигал редко и недолго удерживался на ней. Уже в это время

у мальчика явились другие интересы, не имевшие ничего общего с сухим школьным преподаванием: он пристрастился к чтению, особенно романов, и часто проводил за ними целые вечера, в то время как старший брат его, одновременно с ним поступивший в училище, готовил уроки. Лишь ложась спать, Адам просил обыкновенно брата прочесть ему вслух заданное на другой день, и этого было для него достаточно, чтобы запомнить главное в уроках.

Чтение романов и поэтических произведений сильно действовало на воображение мальчика, так что у него проявлялось стремление воплотить в жизни излюбленные сцены. Не раз он разыгрывал эти сцены с товарищами в окрестностях Новогрудка, представляя из себя то Яна Собеского, то какого-нибудь другого героя. Влияние этого чтения сказалось еще и в другом отношении, побуждая Адама продолжать начатые еще в родительском доме поэтические опыты. Он писал басни, различные мелкие стихотворения, задумывал даже переложить стихами целый роман Флориана «Нума Помпилий», – но от всех этих попыток сохранились лишь ничтожные отрывки, подчас с удачным стихом, но далеко еще не свидетельствующие о сильном таланте.

Между тем за время школьной жизни Адама Мицкевича произошли два события, получившие большое значение в развитии юноши. Первым из них была смерть отца, последовавшая в мае 1812 года и заставившая его с этих пор заботиться о посильной помощи осиротевшей семье. Второе из этих событий имело более общий характер – это было начало войны 1812 года между Россией и Наполеоном и вступление войск последнего, среди которых находились и польские отряды, в Литву. Обещания Наполеона восстановить Польшу увлекли за ним сердца большинства поляков, и лишь незначительная часть продолжала возлагать свои надежды на императора Александра. Общий энтузиазм к французам проник и в Новогрудок и выразился с полной силою при проходе через него нескольких корпусов армии Наполеона под начальством Иеронима Бонапарте, короля Вестфальского. Дом Мицкевичей был назначен под королевскую квартиру; хозяева, конечно, должны были удалиться, но 14-летний Адам, спрятавшись за забором, ожидал прибытия короля и успел его увидеть. Эта блестящая картина французского войска, вместе с восторженными рассказами солдат о Наполеоне как о каком-то полубоге, и с всеобщим ожиданием земляков возвращения независимости родной страны от этого чудодейственного вождя, навеки запечатлелась в душе мальчика и, способствуя раннему пробуждению в нем патриотического чувства, в то же время положила основание того культа Наполеона, который он исповедовал впоследствии. Много лет спустя Мицкевич поэтически воспроизвел свои тогдашние впечатления в «Пане Тадеуше»:

Год приснопамятный, великий и единый,
Останешься в Литве священной ты годиной!
Ты, урожайная красавица-весна,
Век будешь сниться нам, обильна и красна
Густыми злаками и воинов одеждой,
Громами славных битв и ясною надеждой.
Досель, переносясь в минувшие года,
Тебя, как сладкий сон, я вижу иногда
И, скорбию повит, лью слезы и тоскую:
Увы! я в жизни знал одну весну такую!..

В 1815 году Адам Мицкевич окончил курс в училище доминиканцев. В это время один из дальних родственников их семьи, ксёндз Иосиф Мицкевич, был деканом физико-математического факультета Виленского университета. Он предложил матери Адама поместить его в университет, обещая, со своей стороны, устроить его там на казенный счет. При Виленском университете существовали тогда стипендии, предназначавшиеся для студентов, готовив-

ших себя в учителя, и определявшиеся по конкурсному экзамену. Такую стипендию и имел в виду декан для своего родственника. Действительно, Мицкевич успешно выдержал экзамен и получил стипендию. Вторым соискателем ее явился молодой человек, который также поступал в этом году в университет и позднее стал одним из самых близких друзей Мицкевича, – Фома Зан. На экзамене они впервые познакомились, и неудача Зана не помешала их сближению, становившемуся чем дальше, тем теснее. Поступая в университет, молодой Мицкевич еще не определил окончательно, какие отрасли наук привлекают его к себе. Он избрал было, – может быть, под влиянием родственников, – физико-математический факультет, но пробыл на нем недолго, не более полугода, и перешел на историко-филологический, более соответствовавший его наклонностям.

Это время было как раз периодом наибольшего процветания Виленского университета, успевшего под управлением Снядецкого собрать вокруг себя лучшие местные научные силы. Сам Снядецкий, правда, уже более не занимал поста ректора, но влияние его управления было сильно в профессорской среде. Подобно ему, большинство наиболее уважаемых профессоров были поклонниками философии XVIII века, воззрения которой они проводили в жизнь и с кафедры, и частью в литературе. Начинаясь уже в обществе реакция мало еще успела проникнуть за университетские стены, и лишь немногие, да и то наименее пользовавшиеся уважением, профессора, были ее представителями.

Из профессоров-филологов, которых начал слушать Мицкевич со второго полугодия своего пребывания в университете, наиболее выдающеюся фигурой был Готфрид Эрнест Гроддек, соединявший с глубоким знанием своего предмета – греческого и латинского языков и литератур – горячую любовь к нему, невольно, как всегда, передававшуюся слушателям и заставлявшую их забывать все внешние недостатки его изложения. Стронник новой еще тогда в науке теории Вольфа о происхождении «Илиады», он передавал студентам классическую филологию в освещении взглядов, немецкого ученого и сообщал им немало ценных сведений, приохочивая к занятиям древней литературой. По своим убеждениям он был либерал и носил даже звание мастера франкмасонской ложи в Вильне.

Кроме Гроддека, были на факультете и другие талантливые профессора, например, Боровский, читавший польскую литературу и руководивший письменными упражнениями студентов. Ему Мицкевич, по собственному признанию, был обязан чистотой и строгостью своего стиля.

Но на голову выше всех других, как по глубоким научным знаниям и уменью передавать их, так и по любви к нему студентов, стоял молодой лектор всеобщей истории Иоахим Лелевель. Как историк он выделялся не только своими богатыми и разнообразными познаниями, соединявшимися у него с горячею, доходившею до энтузиазма любовью к занятиям своим предметом, но и теми новыми взглядами, которые он вносил в его изложение. Высоко ценя национальное начало, молодой еще тогда ученый видел главную задачу всякого народа в строгом выполнении и осуществлении в жизни издревле заложенных в него самостоятельных принципов и с этой точки зрения подвергал строгой критике всякое заимствование извне, не усматривая и во влиянии сохранявшей еще тогда свое значение французской филологии XVIII века особой пользы для Польши, в которой она будто бы только способствовала сужению национальных идеалов развития. Такое обращение к народности, находившееся в резкой противоположности с общим направлением профессоров Виленского университета, было, однако, в духе времени, когда, вслед за увлечением преобразовательными теориями, подчас слишком отвлеченными, в обществе начинался поворот в другую сторону, к своему народному, – в свою очередь, не лишенный крайностей. Этих крайностей не был чужд и Лелевель, – но молодежь, посещавшая его лекции, конечно, не могла отнестись к ним с достаточной критикой. Как бы то ни было, эта талантливость изложения и новизна

взглядов молодого историка побуждали студентов посещать его курс усерднее всех других и оказывали сильное и во многом благотворное влияние на впечатлительные юные умы.

Таковы были те главные научные силы и те влияния, с которыми столкнулся Мицкевич уже в первое время своего пребывания в университете. Конечно, он, получивший первоначальное воспитание в маленьком городке, в училище, не особенно высоком по своему уровню, не мог сразу освоиться с этими влияниями, и сперва лишь пассивно воспринимал представлявшиеся впечатления. К тому же ему предстояло позаботиться о восполнении некоторых пробелов своего образования и, главным образом, об изучении греческого языка, который не преподавался в Новогрудском училище, но был необходим в университете. Тем более времени должны были отнимать у Мицкевича эти занятия, что он, в качестве кандидата на учительское звание, получавшего казенную стипендию, был обязан каждое полугодие сдавать особый экзамен.

Понятно поэтому, что в течение первых двух лет своего университетского курса Мицкевич ничем еще не заявил себя в студенческой среде. В этой последней к тому же господствовало полное разъединение: студенты жили, мало знакомясь и почти не сообщаясь друг с другом, и немногочисленные существовавшие у них кружки составлялись, главным образом, из окончивших одно и то же среднее учебное заведение. А между тем пример старшего поколения указывал молодежи все преимущества соединения лиц, стремящихся к достижению общих целей, в одно целое. Не говоря уже о существовании в Вильне масонских лож, в 1818 году здесь адъюнктом, секретарем и библиотекарем Виленского университета Казимиром Контримом было основано общество «шубравцев» (проказников), поставившее своей задачей исправление общественных пороков и распространение просвещения. Это общество вскоре сгруппировало вокруг себя наиболее образованных, просвещенных и либеральных людей тогдашней Вильны, в том числе и некоторых профессоров университета, и с помощью издававшегося им сатирического журнала «Ведомости с мостовой» (*Wiadomosci Brukowe*) приобрело значительный успех и немалое влияние на общественное мнение. Заседания его были обставлены, согласно тогдашней моде, несколько торжественным церемониалом: в обществе существовали свои сановники, президент, оратор, стражник, постукиванием лопаты призывавший к порядку несвоевременно заговорившего члена, секретарь и редактор; принятие новых членов сопровождалось целым рядом формальностей. Эти подробности, равно как и литературные занятия, сближают польское общество шубравцев с нашим «Арзамасом».

Весьма вероятно, что именно образование и успех этого общества навеяли некоторым из студентов мысль о пользе подобной же организации в их собственной среде. Через несколько месяцев после составления общества шубравцев, в начале третьего учебного года Мицкевича в университете, им и еще пятью товарищами его был основан студенческий «Кружок филоматов». Название это не было новостью, так как уже в 1808 году в Вильне существовало закрывшееся затем общество под этим названием, сама же мысль возобновления этой организации принадлежала тому Фоме Зану, с которым мы уже познакомились выше. Он убедил нескольких товарищей, из которых, кроме Мицкевича, особенно выделялись Ян Чечот, впоследствии известный собиратель белорусских песен, и Иосиф Ежовский, соединиться для совместных занятий. Мицкевич и здесь вначале не проявлял серьезной инициативы, но вскоре сделался одним из самых деятельных членов кружка филоматов. Целью этого кружка было умственное и нравственное развитие, средствами же для достижения этой цели должны были служить тесное общение друг с другом его членов и совместные занятия на поприще литературы. На каждое заседание члены по очереди обязывались приносить свои произведения, которые здесь прочитывались и обсуждались. Политические вопросы совсем не входили в программу кружка, и это было тем естественнее, что и все тогдашнее польское общество, вполне возлагая надежду на императора Александра, чуждалось поли-

тической пропаганды. Однако филоматы не заявили о существовании своего кружка ректору университета Малевскому, как этого требовали изданные правила. Боялись ли они, что существование общества не будет дозволено, или же думали, что их слишком мало, чтобы можно было считать его за таковое, – как бы то ни было, кружок этот остался негласным. Вместе с тем, первоначальные основатели его, опасаясь за поставленные ими высокие цели, не желали слишком быстрого расширения своего общества и принимали в него только таких студентов, в которых они были вполне уверены, так что в течение двух лет число их увеличилось только до 14. Ввиду своих скромных размеров общество филоматов не могло, конечно, влиять на всю массу студентов, – но зато тем с большею силою сказывалось благотворное влияние организации внутри ее самой. Чтение и обсуждение литературных произведений располагали участников собраний заботиться о выработке ясности и чистоты своего языка, постоянный обмен мыслями пробуждал в них критическое чувство, общение на интеллектуальной почве влекло за собою сильный умственный и нравственный подъем, – и из этого студенческого общества, как изо всех почти ему подобных, вышло немало людей, приобретших себе впоследствии известность в качестве научных и общественных деятелей. Занятия литературой приобретали для членов кружка тем больший интерес, что как раз около этого времени стали проникать в польскую журналистику произведения немецких романтиков, вызвавшие сильное негодование поклонников классицизма, но привлекавшие к себе молодежь своею смелостью, новизной, свежим, непосредственным чувством и, наконец, возвращением к истинной, как тогда казалось, национальности. Мы видели, что для этого последнего почва среди виленских студентов была несколько подготовлена уже лекциями Лелевеля. Мицкевич в течение этого года, не ограничиваясь участием в заседаниях филоматов, писал еще сочинение на тему, данную университетом для конкурса, но оно не было удостоено награды.

Глава II. Бродящие силы

Мицкевич влюбляется в Марию Верещак. – План дидактической поэмы. – Влияние на Мицкевича баллады Жуковского «Людмила». – Общество «филаретов». – Учительство в Ковно. – «Лучистые». – Смерть матери Мицкевича и свадьба «Марыли». – Столкновение с Яном Снядецим. – Сердечные страдания. – «Дзяды» и «Гражина». – Арест Мицкевича.

Мицкевичу оставался один год до окончания курса в университете, когда летом 1818 года он на вакациях в деревне познакомился с девушкой, впервые приковавшей к себе его сердце и надолго ставшей предметом его песен. Это была 18-летняя Мария Верещак, красивая блондинка, дочь богатой вдовы маршалка Верещак, жившей неподалеку от Заосья. В то время, когда с нею познакомился Мицкевич, она была уже невестою молодого и зажиточного помещика из той же местности, Путткамера. Это не помешало молодому студенту влюбиться в нее чуть не с первого взгляда, не помешало и ей если не поощрять, то и не отвергать его ухаживания, хотя сердце ее при этом оставалось совершенно спокойным. Дочь богатых родителей, получившая хорошее по своему времени воспитание, начитанная в сентиментальной и идиллической поэзии, она не прочь была поиграть в любовь, не видя в этом никакой для себя опасности. Между тем именно эта сентиментальность и придавала ей в глазах Мицкевича особое очарование.

Под впечатлением этого нового чувства вернулся он осенью в Вильну, и, несомненно, чувство это оказало свою долю влияния на возобновление им начатой еще в Новогрудке поэтической деятельности. Впрочем, к этому времени все почти его ближайшие приятели-филоматы писали стихи, а некоторые даже и печатали их. Общему увлечению не остался чужд и Мицкевич.

Он написал в том же году два стихотворения: «Песнь филоматов» и «Городская зима», из которых второе было напечатано в «Tygodniku Wilenskim». В стихотворениях этих поэт еще строго придерживается классической манеры. Влияние классицизма сказалось и в замысле большой дидактической поэмы «Картофель», которая должна была состоять из двух частей: героической, в которой изображалось бы открытие и покорение Америки, и собственно дидактической, имевшей предметом исчисления выгод, происшедших для человечества от открытия картофеля.

Но в то время как Мицкевич задумывал подобные планы, в кружке филоматов продолжались занятия над немецкой романтической литературой, заставившие поэта свернуть на другой путь. Окончательный толчок в этом направлении был дан знакомством с балладой Жуковского «Людмила», представляющей переделку «Леноры» Бюргера. Однажды сын профессора русского языка Чернявского с восторгом прочитал Мицкевичу и некоторым из его товарищей «Людмилу». Энтузиазм передался его слушателям до такой степени, что Зан, а затем и Мицкевич, в свою очередь, написали баллады в подражание «Леноре». С этих пор поворот в направлении поэтического творчества Мицкевича был решен.

Между тем близилось уже время окончания университетского курса. Но прежде чем Мицкевич и его товарищи оставили университет, они решились упрочить связь между собою и оставшимся еще на студенческих скамьях более молодым поколением, основав новое общество в среде университетской молодежи. Общество это, первая мысль об учреждении которого опять-таки принадлежала Зану, назвали «обществом филаретов» (друзей добродетели); основная цель его деятельности заключалась в том, чтобы подготовить своих членов к вступлению в кружок филоматов. Понятно поэтому, что сходство обеих организаций было весьма значительно – взаимная помощь в жизни и совместные научные занятия стояли на первом плане у филаретов, как и у филоматов, на собраниях филаретов также читались

рефераты, по большей части литературного содержания. В это время чисто литературные интересы вообще играли первенствующую роль в среде виленских студентов. Общественная жизнь не была настолько развита и жива, чтобы увлечь молодежь, вопросы политические еще не выступили на сцену, – а между тем в литературной сфере начинался перелом, уже возникала и приковывала к себе внимание молодых умов борьба двух направлений. В будущем эта борьба исключительно, казалось бы, литературных направлений оказала весьма серьезное влияние и на решение вопросов совсем иного порядка, – но в ту эпоху мало кто предвидел эти далекие последствия, и поэзия Шиллера и Гёте привлекала к себе польскую молодежь не своим общественным значением, а новизной и свежестью своих художественных идеалов.

При таком настроении Мицкевич, поэтическое дарование которого приобрело уже почетную известность среди товарищей, сразу занял выдающееся положение в обществе филаретов и сделался излюбленным представителем его стремлений. Сами собрания филаретов происходили по отдельным кружкам, соответствовавшим специальности студентов по факультетам, но кружки эти могли сообщаться один с другим через посредство выборных делегатов или отдельных своих членов, иногда же соединялись все вместе в общих загородных прогулках, на которых пелись песни, специально для этого сочинявшиеся Мицкевичем, Заном и другими. Это общество сильно повлияло на распространение новых веяний в студенческой среде; но тот из его членов, кому вскоре суждено было сделаться самым крупным представителем нового направления в польской литературе и вместе с тем, по крайней мере временно, самым ревностным борцом за него, теперь должен был оставить товарищеский круг. Весною 1819 года Мицкевич сдал в университете экзамен на магистра и затем в качестве казенного стипендиата должен был ожидать назначения на учительскую должность. Оно не заставило себя ждать, и после лета, проведенного частью дома, частью у Верещаков, Мицкевич получил от совета университета приказание отправиться в Ковно и занять в тамошней гимназии место преподавателя литературы.

К этому времени, когда молодой поэт покинул университетскую скамью и должен был начинать самостоятельную жизнь, характер его и взгляды уже в значительной степени установились, несмотря на молодость (ему был тогда 21 год). От природы не расположенный к излишнему обнаружению своих чувств, но в то же время одаренный сильною впечатлительностью, он с годами еще более развил в себе способность сдерживать свои порывы. Но эта сдержанность, это отсутствие выхода для чувства лишь увеличивали его силу и пылкость. Бывали минуты, когда привычка к самообладанию не помогала, когда чувство, несмотря на сопротивление, пробивалось наружу с тем большею силой, чем дольше оно скрывалось, и тогда, смотря по поводу, вызвавшему эту вспышку, поэт чувствовал себя наверху блаженства, впадая во вдохновенный экстаз, – или же испытывал глубокое отчаяние. Такому развитию чувства в значительной мере содействовали и те немецкие романтические произведения, которыми зачитывался Мицкевич в это время и где чувство в своих разнообразных проявлениях стояло на первом плане, заслоняя собою, если не подавляя, рассудочную деятельность. Сам характер поэта, таким образом, соответствовал тем впечатлениям, какие он извлекал из знакомства с романтической литературой. Если же мы обратимся к другим сторонам влияния последней, то увидим, что и здесь почва для воздействия ее на Мицкевича в значительной степени была уже подготовлена. Религиозность, составлявшая такой существенный элемент в поэзии первых романтиков, была развита в нем уже с раннего детства, и развита крайне сильно. Это заставляло его несколько враждебно относиться к философии XVIII века, отрицавшей возможность какого бы то ни было сверхъестественного вмешательства в человеческую жизнь.

Был, сверх того, и еще один пункт, на котором взгляды Мицкевича расходились с учением французских философов, приближаясь к проповеди романтиков, – и этим пунк-

том было отношение к народности. Воззрения Лелевеля крепко привились в душе молодого энтузиаста, и он жадно ухватился за мысль, что осуществление народных идеалов, издавна заложенных в национальности и представляющих собою высшее совершенство, должно служить задачей не только жизни, но и поэзии. Это требование народности в литературе было совершенно почти чуждо для польского общества того времени, воспитанного на французских образцах. Лишь в наиболее молодой его части высказывались порою подобные пожелания, да и то робко и неуверенно. Но, кладя в основание поэзии идею народности, Мицкевич не ограничивался этим и, опять-таки в строгом согласии с духом, господствовавшим тогда среди наиболее развитой части университетской молодежи, и в особенности среди филоматов, требовал от поэтических произведений непосредственного нравственного влияния на жизнь. Уже в этот ранний период его жизни поэзия представлялась ему вещью почти столь же священной, как религия, сестрою последней. Правда, этот взгляд о необходимости прямого воздействия поэзии на жизнь не вполне еще развился и выработался, – но этого и не могло быть, пока сам поэт вращался в тесном кругу чисто личных отношений.

Переехав в Ковно, Мицкевич в первое время ревностно отдался исполнению своих учительских обязанностей, поглощавших у него немало времени и труда. Так прошел первый год его учительства, в течение которого он продолжал, однако, постоянно поддерживать отношения с кружком виленских приятелей, временами приезжая и сам в Вильну. Тем временем влияние филаретов в студенческой среде все росло, и руководители этого общества решились основать новое, которое было бы уже совершенно явным. В мае 1820 года ректор университета дал свое согласие на учреждение «Общества полезного удовольствия» и утвердил его устав, согласно которому главными целями общество ставило нравственное и умственное усовершенствование его членов. Вскоре значительное количество студентов записалось в это общество, получившее среди них название «общество лучистых» (*promienisty*). Большое количество привлеченных молодых сил дало возможность более расширить и круг действий: в среде «лучистых» старшие члены читали желающим род лекций по истории литературы, при этом, в силу ясно уже обозначившегося направления университетской молодежи, главное внимание обращалось не на французскую литературу, псевдоклассические произведения которой выставлялись большинством профессоров как образцовые, а на новых немецких и английских авторов. Членами общества часто устраивались совместные загородные прогулки, или, как они назывались у польских студентов, «маювки». Наряду с этим явным обществом продолжала существовать, однако по-прежнему негласно, и организация филаретов и филоматов, которые в сущности и были душою этого объединения студентов. В собраниях «лучистых» принимал нередко участие и Мицкевич, когда позволяла ему это служба.

Не только в среде близких его товарищей, но между молодыми студентами, успевшими познакомиться с остававшимися еще в рукописи его новыми произведениями, все более назревало убеждение, что из него должен выработаться великий поэт. И действительно, пребывание в Ковно было одним из самых плодотворных по количеству поэтических произведений периодов в жизни Мицкевича: баллады он писал одну за другой. Но уже второй год этого пребывания, не менее первого богатый в поэтическом отношении, принес ему в действительной жизни ряд тяжелых огорчений и утрат. Начались они с того, что под конец лета 1820 года Мицкевич сильно заболел в Вильне и не мог отправиться вовремя в Ковно. Это навлекло на него строгий, хотя и незаслуженный выговор правления университета с угрозой доставить его в Ковно при помощи полиции и требованием объяснения неявки в срок. Напрасно оправдывался Мицкевич своею болезнью: это не избавило его от нового выговора, при этом, однако, правление, как бы из снисхождения к его молодости и неопытности, отменило наложенное было на него наказание в виде прекращения жалованья.

Такое отношение к нему главного начальства глубоко оскорбило впечатлительного поэта, и память об этом оскорблении надолго сохранилась у него.

Не успело еще изгладиться первое впечатление этого происшествия, как Мицкевич получил известие о смерти своей матери, последовавшей 9 октября 1820 года. Он не мог даже присутствовать на похоронах матери, горячо им любимой. В начале следующего 1821 года новый удар постиг Мицкевича. Девушка, которой он отдал сердце со всем пылом первой любви, Мария Верещак, вышла за Путткамера. Мицкевич знал, что последний считается ее женихом, но, тем не менее, не переставал питать неопределенные надежды. Теперь им сразу положен был конец. Поэт терзался, мучения ревности и любви не давали ему покоя, хотя в то же время он должен был сознаться, что любимая девушка ни разу не давала ему повода думать о взаимности. Не в чем было ему упрекать и Путткамера. Последний, человек глубоко честный и правдивый, и после свадьбы не мешал жене переписываться с поэтом. Мария, или, как называл ее Мицкевич, Марыля, писала ему, прося забыть ее и успокоиться, но советы эти оставались бесплодными. Очувтившись в положении Гёте между Лоттой и Кестнером, Мицкевич в безысходном отчаянии доходил даже до того, что помышлял, подобно Вертеру, кончить жизнь самоубийством. Этого, однако, не случилось: глубокая вера удержала его от решительного шага, но зато тяжелое, грустное настроение надолго охватило его, что отразилось и в его поэтических произведениях.

Учительские обязанности, отвлекавшие его внимание от поэтического творчества, в этот период грустного настроения стали ему особенно тягостны, и он жаловался на крепость «жмудских лбов», обучать которые ему приходится. Тяготясь своею должностью, он стал хлопотать о годовом отпуске, ссылаясь на свою болезнь. В сентябре 1821 года ему был действительно дан такой отпуск, с сохранением жалованья, и Мицкевич перебрался на житье в Вильну, где поселился у Чечота. Самого крупного из основанных их кружком обществ – «лучистых» – он уже не застал. Одна особенно шумная и многолюдная «маювка» их в Духов день 1821 года, в которой участвовал и Мицкевич, нарочно для этого приезжавший тогда из Ковно, обратила на них внимание виленского военного губернатора Римского-Корсакова. Введенный в заблуждение названием общества, он заподозрил в нем связь с иллюминатами, и, согласно с его желанием, ректор запретил дальнейшее существование «лучистых». Запрещение это не помешало продолжению собраний филаретов и филоматов, но побудило их держать свои сходки в еще большей тайне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.